

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

(Опрывокъ изъ Поэмы.)

Не стая вороновъ слеталась
На груды шлѣющихъ костей,
За Волгой, ночью, вокругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчий, состояній:
Изъ ханъ, изъ келій, изъ шемницъ
Они скеклися для смяканій!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ —
Живущъ безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зришся и бѣглецъ
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ Еврей,
И дикие сыны сшепей —
Калмыкъ, Башкирецъ безобразной,
И рыжій Финнъ, и съ лѣнью праздной
Вездѣ кочующій Цыганъ!
Опасность, кровь, развратъ, обманъ —
Вошь узы страшнаго семейства;
Тошь ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ ужасы злодѣйства;
Кто грабилъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,

Кому съяшно дѣшей спенанье,
Кто лѣпъ и пола не щадиши,
Кого убієниво веселиши,
Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все, и вошь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводиши,
И чаша пѣнного вина
Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Просперты на землѣ сырой
Иные чутко засыпаюши:
И сны зловѣщіе лепшаюши
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ разсказы сокращаюши
Угрюмой пѣги праздный часъ;
Умолкли всѣ — ихъ занимаешь
Пришельца новаго разсказъ,
И все вокругъ его внимашъ:

„Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья:
Намъ, дѣтятъ, жизнь была не въ радость;
Уже мы знали нужды гласть,
Сносили горькое презрѣніе
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь забошъ,

Наскучила намъ эша доля,
 И согласились межъ собой
 Мы жребій испытать иной:
 Въ шоварищи себѣ мы взяли
 Булатный ножъ да темну ночь;
 Забыли радость и печали,
 А совѣсть отогнали прочь.

Ахъ, юношь, юношь удалая!
 Жишиё въ то время было намъ,
 Когда погибель презирал,
 Мы все дѣлили пополамъ.
 Бывало шолько мѣсяцъ ясный
 Взойдешь и спанешь средь небесъ,
 Изъ подземелія мы въ лѣсъ
 Идемъ на промыселъ опасный,
 За деревомъ сидимъ и ждѣмъ:
 Идешь-ли позднею дорогой
 Богатый Жидъ, иль . . . убогой, —
 Все наше! все себѣ берѣмъ.
 Зимой бывало въ ночь глухую
 Заложимъ тройку удалую,
 Поемъ и свищемъ, и спрѣлой
 Лешимъ надъ снѣжной глубиной.
 Кто не боялся нашей вспрѣчи?
 Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
 Туда! къ ворошамъ, и спущимъ,
 Хозайку громко вызываемъ,
 Вошли — все даромъ: пьемъ, ъдимъ,
 И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

И чпожъ? попались молодцы;
 Не долго братья пировали;
 Поймали насъ — и кузнецы
 Насъ другъ ко другу приковали,
 И стража ошивела въ острогъ.

Я старшій былъ пятью годами,
 И вынесъ больше браша могъ.
 Въ цѣляхъ, за душными спѣнами
 Я уцѣльѣ — онъ изнемогъ.
 Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
 Въ забвѣни, жаркой головою
 Склоняясь къ моему плечу
 Онъ умиралъ, швердя всечасно:
 „Миъ душно здѣсь ... я въ лѣсъ хочу...
 Воды, воды! ..“ но я напрасно
 Спрадальцу воду подавалъ:
 Онъ снова жаждою томился
 И градомъ пошъ по немъ капился,
 Въ немъ кровь и мысли волновалъ
 Жаръ ядовитаго недуга;
 Ужъ онъ меня неузнавалъ
 И поминуши призывалъ
 Къ себѣ товарища и друга.
 Онъ говорилъ: „гдѣ скрылся ты?
 Куда свой шайный путь направилъ?
 Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ?
 Средь этой смрадной племноши?
 Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашенъ
 Меня въ дремучий лѣсъ сманилъ,

И ночью тамъ, могущъ и спрашень,
 Убийству первый научилъ?
 Теперь онъ безъ меня на волѣ
 Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
 Тяжелымъ машешь кистенемъ
 И позабылъ въ завидной долѣ
 Онъ о товарищѣ своеемъ! . . .“
 То снова разгорались въ немъ
 Докучной совѣсти мученья:
 Предъ нимъ толпились привидѣнья
 Грозя першомъ издалека.
 Всѣхъ чаще образъ старика
 Давно зарѣзанного нами
 Ему на мысли приходилъ;
 Больной, зажавъ глаза руками,
 За старца такъ меня молилъ:
 „Брашь! скажься надъ его слезами!
 Не рѣжь его на спасорось лѣшь. . .
 Минь дряхлый крикъ его ужасенъ. . .
 Пусши его — онъ неопасенъ;
 Въ немъ крови капли теплой нѣшь . . .
 Не смѣйся, брашь, надъ сѣдинами,
 Не мучь его . . . авось мольбами
 Смягчишь за насъ онъ Божій гнѣвъ! . . .“
 Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ;
 Хопѣлъ унышь больнаго слезы
 И удалишь пустыя грѣзы.
 Онъ видѣлъ пляски мершвецовъ,
 Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ,
 То слышалъ ихъ ужасный шопотъ,

То вдругъ погоня близкій шопотъ,
 И дико взглядъ его сверкаль,
 Спояли волосы горою,
 И весь, какъ листъ онъ шрепешаль.
 То мнилъ ужъ видѣшь предъ собою
 На площадяхъ шолпы людей,
 И спрашній ходъ до мѣста казни,
 И кнуши и грозныхъ палачей...
 Безъ чувствъ, исполненный боязни,
 Брашь упадаль ко мнѣ на грудь.
 Такъ проводилъ я дни и ночи,
 Не могъ минуты отдохнуть
 И сна незнали наши очи.

Но молодость свое взяла:
 Вновь силы браша возвратились,
 Бользнь ужасная прошла,
 И съ нею грѣзы удалились.
 Воскресли мы. Тогда сильнѣй
 Взяла шоска по прежней долѣ;
 Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
 Алкала воздуха полей.
 Намъ юношень былъ и мракъ племницы,
 И сквозь рѣшечки свѣтилъ денница,
 И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
 И легкой шумъ залѣшной пиницы.

По улицамъ однажды мы,
 Въ цѣняхъ, для городской шюрымы
 Сбирали вмѣстѣ подаянья,
 И согласились въ пишинѣ

Исполнить давнее желанье:
 Рѣка шумѣла въ споронѣ
 Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
 Бухъ! поплыли въ водахъ глубокихъ.
 Цѣпями общими гремикъ
 Бѣмъ волны дружными ногами,
 Пещаный видимъ островокъ,
 И разсѣкая быстрый шокъ,
 Туда спремимся. Въ слѣдъ за нами
 Кричанъ: „лови! лови! уйдуши!“
 Два спраха издали плывущъ,
 Но ужъ на островъ мы спупаемъ,
 Оковы камнемъ разбиваемъ,
 Другъ съ друга рвемъ клочки одѣжь
 Ошагощенные водою, ...
 Погоню видимъ за собою;
 Но смѣло, полные надеждъ,
 Сидимъ и ждёмъ. Одинъ ужъ шенешъ,
 То захлебнѣлся, то заслонешъ
 И какъ спинецъ пошелъ ко дну.
 Другой проплылъ ужъ глубину,
 Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрымъ,
 Не внемля крику моему,
 Идешь, но въ голову ему
 Два камня полепѣли прямо —
 И хлынула на волны кровь;
 Онь утонулъ — мы въ воду вновь.
 За нами гнались непосыпки,
 Мы береговъ доспичь успѣли
 И въ лѣсъ ушли. Но бѣдной брашъ ...

И трудъ и волнъ осеній хладъ
 Недавнихъ силь его лишили:
 Опашь недугъ его сломилъ,
 И злые грѣзы постыли.
 Три дня больной не говориль
 И не смыкалъ очей дремоюй;
 Въ четвертый, грусною забоюй,
 Казалось онъ исполненъ быль;
 Позваль меня, пожаль ми руку,
 Потухшій взоръ изобразиль
 Одольвающю муку;
 Рука задрогла, онъ вздохнуль
 И на груда моей уснуль.

Надъ хладнымъ шѣломъ я остался,
 Три ночи съ нимъ не разсыпался,
 Всё ждалъ, очищаясь ли мерзъецъ?
 И горько плакаль. Наконецъ
 Взяль заспупъ; грѣшную молитву
 Надъ братней ямой совершиль
 И шѣло въ землю скоронилъ . . .
 Пошонъ на прежнюю ловушку
 Пошелъ одинъ . . . Но прежнихъ лѣтъ
 Ужъ не дождусь: ихъ нынѣ, какъ нынѣ
 Пиры, веселья и начеги,
 И наши буйные набеги —
 Могила брана всѣ взяла.
 Влачусь угрюмой, одинокой;
 Окаменѣль мой духъ жестокой
 И въ сердцѣ жалосливъ умерла.

Но иногда щажу морщины:
Миъ спрашно рѣзань снарика;
На беззашинныя сѣдины
Не подымаешся рука.

Я помню, какъ въ шюромъ жеснокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силы,
Безъ памяти въ шоскѣ глубокой
За старца брашь меня молилъ.“

A. Пушкинъ.

ЖЕЛАНИЕ ПОКОЯ.

Налей, налей въ бокаль кипящее вино!

Какъ тихій шокъ воды забвенья,
Моей души жеснокія мученья

На время утолишь оно.

Пойдемъ шуда, гдѣ дышашь радость;
Гдѣ бурный вихрь забавъ шумишь;
Гдѣ гласть души, гдѣ гласть спрасшей молчишъ;
Гдѣ не живушъ, но трашашь жизнь и младость.
Средж веселыхъ игръ, за радоснимъ споломъ,

На мигъ упившишь щасищемъ ложнымъ,

Я приучусь къ мечтамъ ничтожнымъ;

Съ судьбою примирюсь виномъ.

Я сердца усмирию роптанье;

Я думаишъ не велю лешашь;

Небесь на тихое сіянье

Я не ведю глазамъ своимъ взирашь.